

ДЕВУШКА И ЛЕСЯЦ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

На севере Красноярского края проживает народность кеты, сохранившая свои обычаи и традиции, язык, фольклор. Кеты — замечательные охотники и рыбаки. Накопленный веками опыт, трудовые навыки и мудрость, представления об окружающем мире — все это нашло отражение в их сказках и преданиях, которые учат любить свою землю, славят верность, трудолюбие, смелость, высмеивают жадность, трусость, глупость. Особенно распространены у кетов сказки и предания, где сильный и добрый богатырь Альба борется со злой старухой Хосядам.

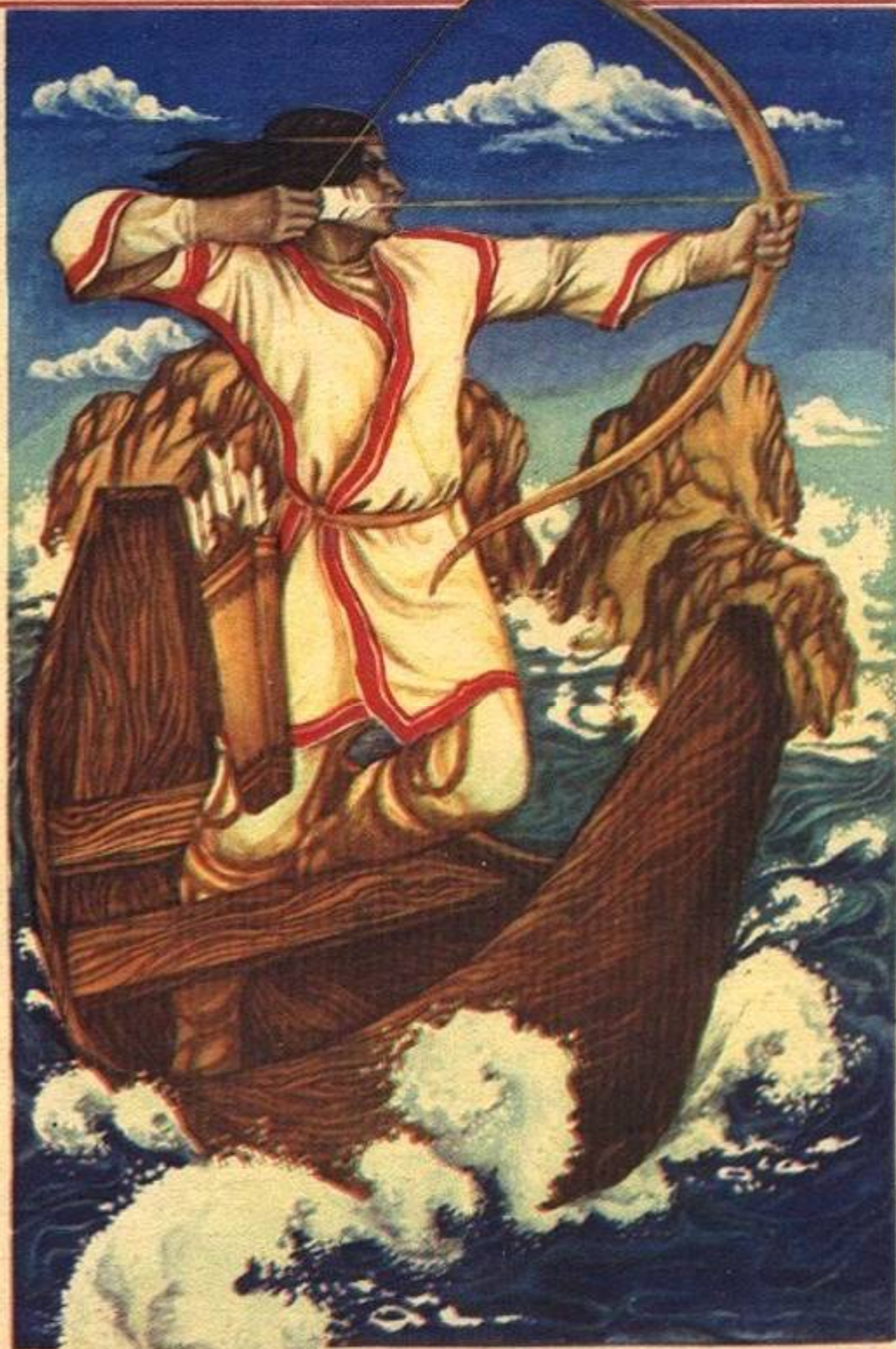
СКАЗКИ
КЕТТСКОГО
НАРОДА

ДЕВУШКА И МЕСЯЦ

СОСТАВИЛ
И ОБРАБОТАЛ
Р. НИКОЛАЕВ

РИСОВАЛИ В. ЕГОРОВ
И Л. ЕГОРОВА

КРАСНОЯРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

Альба и Хосядам

Правда ли, нет ли то было, не знаю. Такую сказку моему деду его дед рассказывал, а тому — его дед. А я, когда маленьким был, слышал ее от своего дедушки.

Жил, говорят, на седьмом небе Большой Старик. Был он великим духом, всем миром правил. И звездами в небе, и рыбами в реках, и зверями в тайге, и птицами в воздухе, и людьми на земле, а звали его — Есь.

Был у Еся чум весь, ровно стекло, и через тот чум видел Есь все, что на свете творится-делается.

И была у Еся жена — Хосядам, маленько худая баба. То не так, а это не по ней. Все ворчит да ругается. Вот как-то бранились Есь с Хосядам, бранились. Рассердился Есь, да и сбросил Хосядам с неба на землю, а с нею и слуг ее. И стала Хосядам главою и матерью всех злых духов на земле. Пошлет Хосядам кого из слуг своих к людям, у тех непременно беда случится. А придет сама Хосядам — и того хуже. Люди умирать начинают, на оленей мор нападает, зверь из тайги бежит, рыба в реках пропадает.

Жила Хосядам со слугами своими у подножия Великих гор, на Большой воде*, на семидесяти семи островах. Так и вредила Хосядам людям, пока не родился сын матери земной — великий богатырь Альба. Когда вырос он, стал по воде на берестяной лодке плавать, острогою рыбу добывать, на переправах на лосей-оленей охотиться.

Вот однажды и говорит Альба:

— До какой же поры злая Кынь* людей губить будет? Искать ее пойду, воевать с ней буду!

И ушел Альба на своей берестянке к подножию Великих гор, к семидесяти семи островам.

Подъехал батар* к островам, вышел на берег. Тут на него из густых зарослей бросились шесть страшных чудовищ — слуги Хосядам. Но не испугался Альба, взмахнул своей пальмой*, и только свист пошел. Головы летели с плеч чудищ, а острова затопила их кровь.

Победил Альба слуг Хосядам и думает:

— Было их шесть, а где же сама Кынь? Она седьмая должна быть. Надо ее чум найти.

И слышит Альба: у самого берега в песке кто-то шепчется. Стал Альба пальмою в этом месте песок копать и увидел маленького налимчика. Свернулся он и жалобно так на батара смотрит. Пожалел Альба налимчика, бросил в лодку, чтоб в воду пустить, где водорослей побольше, и отплыл.

Не знал он, не ведал, что это сама Кынь в налимчика превратилась.

И слышит Альба на горе дивную музыку. Играет какой-то красивый человек на семиструнном кате*, а чудится, что поют и тайга, и горы, и волны. Не знал и того Альба, что играет на лебеде Чуутып — любимый сын Хосядам.

Заслушался Альба дивной музыкой и не заметил, как прыгнул налимчик в воду, скрылся в тине и кричит:

— Побил ты, Альба, слуг моих. Да уж спасибо тебе — меня пощадил!

Ох и разгневался батар, что саму Кынсь упустил! Вскочил он на ноги в лодке, поднял свой железный лук и послал меткую стрелу в голову Чуутыпа. Разлетелась голова сына Хосядама на семь кусков, и окрасились его кровью скалы.

И с тех пор красны яры у Осиновского порога на Енисее от крови Чуутыпа.

Схватил Альба острогу и ударил в воду в то место, где слышал он голос Кынси. Но увернулась Кынсь от смертоносного удара и бросилась на Север. А поперек Большой воды пустила своих каменных оленей, чтоб преградили они путь Альбе. Но и камень не мог устоять перед пальмою батара. Убил он оленей Хосядам, так и остались они в воде. Только спины их торчат. Стали они скалами. Русские те скалы Корабликами зовут. Нырнула тогда Хосядам к подножию Великих гор и стала рыть землю, уходить от батара. А Альба за ней гонится, пальмою скалы сверху крушит.

Так и бежала Кынсь под землей на Север, а Альба скалы крушил. И потекла по тому руслу Большая вода и стала рекой Кууком.

Русские ее Енисеем зовут.

СДЕЛАННОГО НЕ ВЕРНЕШЬ

Пошел один охотник соболей добывать. Много дней ходил, зверей гонял, на лесных тропах черканы*ставил. Много пушнины добыл. Домой собрался. И привелось ему на возвратном пути в тайге заночевать.

Вот и ночь наступила, темно кругом, только пихты да лиственницы ветвями шумят. Разжег охотник костер, жарит на рожне соболиное мясо, кругом поглядывает. И вдруг видит: загорелись во тьме два круглых глаза и страшный крик раздался: «Ух-ух-ух!». А потом хохот: «Ха-ха-ха!»

Охотник от страха ни жив ни мертв, ни рукой, ни ногой шевельнуть не может. Думает: «Это, наверное, черт лесной. О-бой*, быть беде!»

А это был филин. Слетел он с дерева, сел за костром и давай охотника пугать: и кричит, и плачет, и смеется.

Схватил охотник лучшую соболиную шкурку и бросил в костер. Задобрить лесного духа хотел. А филин не улетает. Пуше прежнего пугает охотника. Бросил охотник в огонь другую шкурку, за ней и третью.

Так все шкурки в огонь и перекидал. А когда последняя шкурка сгорела, поднялся филин и полетел над тайгой.

И понял охотник, что не черт это был, а птица ночная.

Ох и осерчал охотник: «Знал бы я, что ты филин, палкой бы тебя побил. Погубил ты, негодный, всю мою добычу!» И злился, и каялся охотник. А уж сделанного не вернешь. Пришлось ему домой без соболей идти.

О ТТОМ, КАК КЕТЫ ХЛЕБ УЗНАЛИ

Давно это было, шибко давно. Тогда кеты и кынчи* далеко друг от друга жили, друг о друге не слыхали.

Кеты на Сыме жили. Вот однажды пошли кеты в лес охотиться, сохатого гонять, белку-соболя бить, на зайца петли ставить. Охотились целый день, а вечером на стоянку собрались, огонь разожгли, ужинать начали. И видят: вышли из тайги белокурые бородатые люди, таких раньше никогда кеты не видали. А были это кынчи. Подошли кынчи к огню и стали ужинать вместе с кетами. Кеты жуют порсу и юколу*, а кынчи достали какую-то невиданную еду и тоже едят. А был это хлеб. Стали кынчи кетов хлебом угощать, а кеты боятся: вдруг это отравя. Вот одна старушка и говорит:

— Все равно мне умирать пора. Дайте, я попробую.

Стала старушка хлеб пробовать, понравилась ей такая еда, и велела она кетам хлеб есть. Так узнали кеты хлеб. А потом переняли от кынчей их одежду, огненный бой — ружье, деревянные дома строить стали, коров, лошадей держать. Спасибо кынчам — многому они народ кетов научили.

СОВЕТЫ ВОДЯНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Жил на свете один очень добрый и трудолюбивый рыбак. И была у него дочь-красавица.

Понравилась она хозяину вод — Ульлитюсю*. Однажды вечером, когда девушка вышла на берег за водой, подкараулил ее Ульлитыся и утащил в реку. Стала девушка женой Ульлитыся, и родился у них сын.

А старому рыбаку с тех пор всегда была удача больше, чем другим. Это зять и дочь заводили в его невод и пущальни косяки рыб.

Завидовали, завидовали другие рыбаки старику да и рассердились, стали на берегу ругаться, драться.

Услышала это жена Ульлитыся, не вытерпела. Вышла из реки и сказала:

— Любят тайга и воды людей добрых и дружных. А вы ссоритесь, деретесь между собою... Будет так — и не дождетесь вы удачи!

И ушла обратно.

Рыбаки послушались жену Ульлитыся. Не стали обижать друг друга. И стало много рыбы заходить в их невода. А зимою в лесу хорошим был их промысел, много зверя добывали. И не забывали о советах Ульлитысьским*.

Тыней

Давно это было, много лун с тех пор прошло. Моего деда на свете не было, а его деда еще в берестяной люльке мать качала.

Жил на Наволочной стороне большой богач. Много дорогих шкурок в сундуках у него лежало. Много рыбы на вешалах его коптилось. Много подвесок, золотых и серебряных, много красивой одежды, бус и камней дорогих на дальних лабазах его спрятано было. Всей тайги он был хозяином. Боялись и слушались его таежные люди на ближних и дальних стойбищах. Да и как не бояться, не слушаться? Были у богача верные слуги, которых он кормил-поил, дорогими подарками награждал. И если ослушается кто его воли, приводили сыновья богача тех слуг к чуму ослушника, рыбу-мясо отбирали, отнимали снасти рыболовные и охотничьи, чум ломали, в лес выгоняли.

А как без одежды и снасти на охотничью дорогу идти? Чем рыбу-зверя ловить? Как себя, как семью кормить?

Жестоки были сыновья богача, все девушки их боялись. Отцы-матери прятали от них дочерей. Но как ни прячься золотая белка, все охотник ее настигнет. И взяли молодые богачи в жены двух самых красивых девушек, хоть и заливались матери их горькими слезами.

А той порою жили на Налимьем озере муж с женой. Жили не богато, но и не бедно. Летом на ветках* на озеро ходили — неводили. Зимой муж охотой промышлял. И вот родился у них мальчик. Тынеем его назвали. Радовались родители своему первенцу, да недолго. Собрался богач в набег на чужое племя, что жило на Каменной стороне, и взял отца Тынея в свое войско. Не хотел тот идти чужую кровь проливать, да как богача ослушаешься? Взял отец Тынея лук с боевыми стрелами, военное копье — усь — и ушел.

Много ли, мало ли времени прошло, вернулся богач с дружиной с Каменной стороны, большое оленье стадо пригнал, много дорогих вещей привез. А отца Тынея настигла в бою чужая стрела, и остался он далеко за Камнем.

Стала мать Тынея сама зимой в лес ходить, сохатого гонять, черканы на зверя ставить. Вот как-то надела она лыжи, взяла аттась* и пошла в лес черканы посмотреть, может, зверь попался. Да началась пурга, ни дальних звезд, ни ближнего дерева не видать. Блуждала-блуждала мать Тынея и замерзла в лесу.

Остался мальчик сиротой.

В тайге люди дружно живут, ребенка одного не бросят. Каждая семья сироту в чум возьмет, растить будет.

Но всех опередил богач. Взял Тынея к себе. Сказал:

— Я малого на ноги поставлю! — А сам думает: «Этот малый сирота, некому за него заступиться, он у меня работником будет. Что захочу, то он для меня и делать будет».

И стал Тыней работником богача. Зимой снег в жилища богача и его слуг носит, оттаивает его, их бокари сушит, стельку для обуви заготавливает, самая черная работа — вся Тынею.

И думает Тыней: «Что за жизнь у меня. Хуже, чем у собак богача. Что богач мне прикажет, то я и делаю. Некому за сироту заступиться. Никто мне не поможет, если сам я себе не помогу».

Вот однажды зимою сыновья богача и слуги его отправились на большую ходьбу* и Тынея взяли, чтобы он им дрова таскал, еду варил, бокари сушил, одежду чинил. Сыновья богача и жен своих взяли.

А Тыней подумал: «Был бы я колдуном, семи снегам выпасть бы повелел».

Видно, услышала думы Тынея сизая туча, и ночью выпал снег вышиною с копыло* нарты. Пришли охотники на стоянку, поели и завалились спать; сыновья богача с женами в одном чуме, слуги — в другом. Уснули все, а Тыней не спит. Собрал он все лыжи, луки и стрелы в снег закопал. Только один лук и колчан со стрелами себе оставил. Под утро распахнул он дверь чума, где верные слуги спали, поднял лук и всех застрелил. А затем подошел к чуму молодых богачей и крикнул:

— Молодые хозяева! Долго вы в постелях нежитесь, пора на охотничью дорогу!

Вскочили на ноги хозяйские сынки и тут же пали, сраженные стрелами в сердце. Посмотрел он на их жен в богатом платье с красивыми серьгами и подвесками, злоба вспыхнула в сердце подневольного, и снова он вскинул лук.

Но сказала старшая из женщин:

— За что хочешь ты нас убить? Мы беднячки, как и ты. На горе наше оторвали нас сыновья богача от наших семей. Что они нам приказывали, то мы и делали!

И горько стало Тынею, опустил он лук и сказал:

— Куда пойдете вы теперь?

И они ответили:

— С тобой пойдем. Нет у нас дома.

И увел их Тыней на Налимье озеро. Там на холмике старая дуплистая лиственница росла. Устроил Тыней под ее корнями подземное жилище и прорыл ход к берегу озера, так что выход вел прямо к воде. Сделал Тыней лодку из бересты, стал сети на озере ставить, рыбу ловить. Старшую женщину взял он в жены, и родились у них двое сыновей.

А тем временем богач во все концы тайги слуг разослал Тынея искать:

— Ищите, люди, убийцу сыновей моих, принесите череп его и бросьте к ногам моим!

Долго не могли люди богача Тынея найти. Но однажды увидали в лесу на берегу Налимьего озера поленницы дров.

— Э-э-э, — сказали, — тут, видно, не одну луну какой-то человек живет. Уж не Тыней ли?

Спрятались они в кустах и стали следить за озером. И когда на закате заалела вода, словно спелая брусника, увидали слуги богача, как на дальнем конце озера берестяная лодка показалась, а в ней человек сидит. Все ближе, ближе лодка. Подталкивают друг друга спрятавшиеся, переглядываются.

Ведь это Тыней! Постарел он, борода длинная, волосы до плеч, но смело, гордо глядит вокруг, он это, он!

Подняли тогда слуги тугие луки и враз просвистели в воздухе длинные стрелы. Но не долетели они до лодки, с плеском в воду попадали.

Оглянулся Тыней, дернул за веревку, что к лодке была привязана и тянулась через озеро в землянку. Поняли женщины в землянке, что беда пришла, быстро за веревку потянули, лодку втащили прямо в подземный ход.

Был Тыней и исчез, словно волны его спрятали. Подивились слуги, вернулись к богачу, поведали обо всем, что видали.

И сказал богач:

— Возьмите острую палку и проткните ею всю землю по берегу озера. Там он живет, под землей. Где-нибудь да его бангусь* найдете.

Много раз люди богача к озеру ходили, землю палкой протыкали, видели под лиственницей поленницы Тынея, видели его сети на озере, а жилища найти не могли. Вернулись к богачу, говорят:

— Не знаем, где злодей прячется!

Вскочил богач, ногами затопал, кричит:

— Все деревья обухом простукайте! Весь берег обойдите. Без головы Тынея не возвращайтесь! Где-то там он живет!

Ушли слуги на озеро, стали деревья обухом простукивать. Нашли старую лиственницу, ударили по ней, она глухо загудела. Ударили они топором под корень и услышали голос Тынея.

— Нашли вы меня! Но не горюю об этом. Голова моя, словно орлиные перья, стала седою, отжил я свое. Женщин, детей не трогайте, невиновны они ни в чем.

Вышел Тыней из землянки, гордо подняв голову, и в глаза врагам посмотрел без страха. Убили они его на том же месте. Срубили слуги лиственницу и вошли в землянку, увидели двух женщин и юных сыновей Тынея.

И сказала жена Тынея:

— Зря убили вы мужа моего. Идите, скажите богачу, что отомстил он его сыновьям за горе и слезы простых людей. — Тогда и ее убили слуги богача. И сказали:

— Дети Тынея мстить нам будут. Давайте их убьем.

И вдруг увидели, что юноши стали покрываться медвежьей шерстью, стали раздаваться в плечах и расти в высоту. В страхе выскочили убийцы из землянки и побежали в стойбище.

Потом рассказывали лесные люди, что ходят дети Тынея медведями в лесу. И если кто из богачей сильно бедняков обижает, приходят на его дорогу, лабазы его с добром рушат, оленей дерут, а то и самого поймают — унесут в тайгу и никто не знает, куда тот злой богач подевался.

Теперь время другое.

Уже давно батыры-большевики всех богачей из тайги прогнали, а простые люди счастливо зажили. И про детей Тынея не слышать, потому что никто больше людей не обижает.

ДЕВУШКА И МЕСЯЦ

Жила на свете девушка. Ни на Каменной стороне, ни на Наволочной* никого не было красивее ее. Лицо светлое, как луна на небе. Глаза ясные, как звезды, губы, как заря алая. И хорошела с каждым днем.

Раз посмотрела она на небо и видит — убывает месяц.

Загордилась она и говорит:

— Эх ты, все сохнешь, а я по земле хожу, хорошею.

Рассердился месяц и, когда девушка вечером с ведрами по воду шла, схватил ее и унес на небо.

Эту девушку с ведрами и сейчас можно иногда на луне увидеть.

А красотой перед другими хвалиться нельзя.

СМОТРИ, С КЕМ ДРУЖИТЬ

Случилось это, говорят, жарким летом в дремучей тайге. Шел чащею непролазной сам хозяин леса — дедушка медведь.

Шел-шел и пришел на берег быстрой реки. И видит — сидит на берегу лиса, хвост в воду опустила.

— Эй, лиса, ты что тут делаешь? — спрашивает медведь.

— Рыбку ловлю, хариуса.

— Дай мне, я тоже рыбки свежей хочу.

— Плохо ловится рыбка, дедушка. Вон весь хариус на быстрине плавает. Я туда идти боюсь. Меня водой унесет!

— Ну ладно, — говорит медведь, — сейчас пособку тебе делать буду*, сам на быстрину пойду.

— Вот хорошо, дедушка. Ты только парку* свою сними, а то она у тебя намокнет. А я ее караулить буду.

Снял свою парку медведь и полез в воду. Ловит хариуса и на берег бросает, на песок, а лисица на берегу потихоньку его парку грызет. Видит медведь, словно его шуба поменьше стала.

— Эй, лиса, почему это моя парка уменьшилась?

— Это, дедушка, ее солнце сушит.

Вот еще меньше стала парка.

— Эй, лиса, что с паркой моей?

— Солнце ее сушит, дедушка!

Вот и совсем не стало парки.

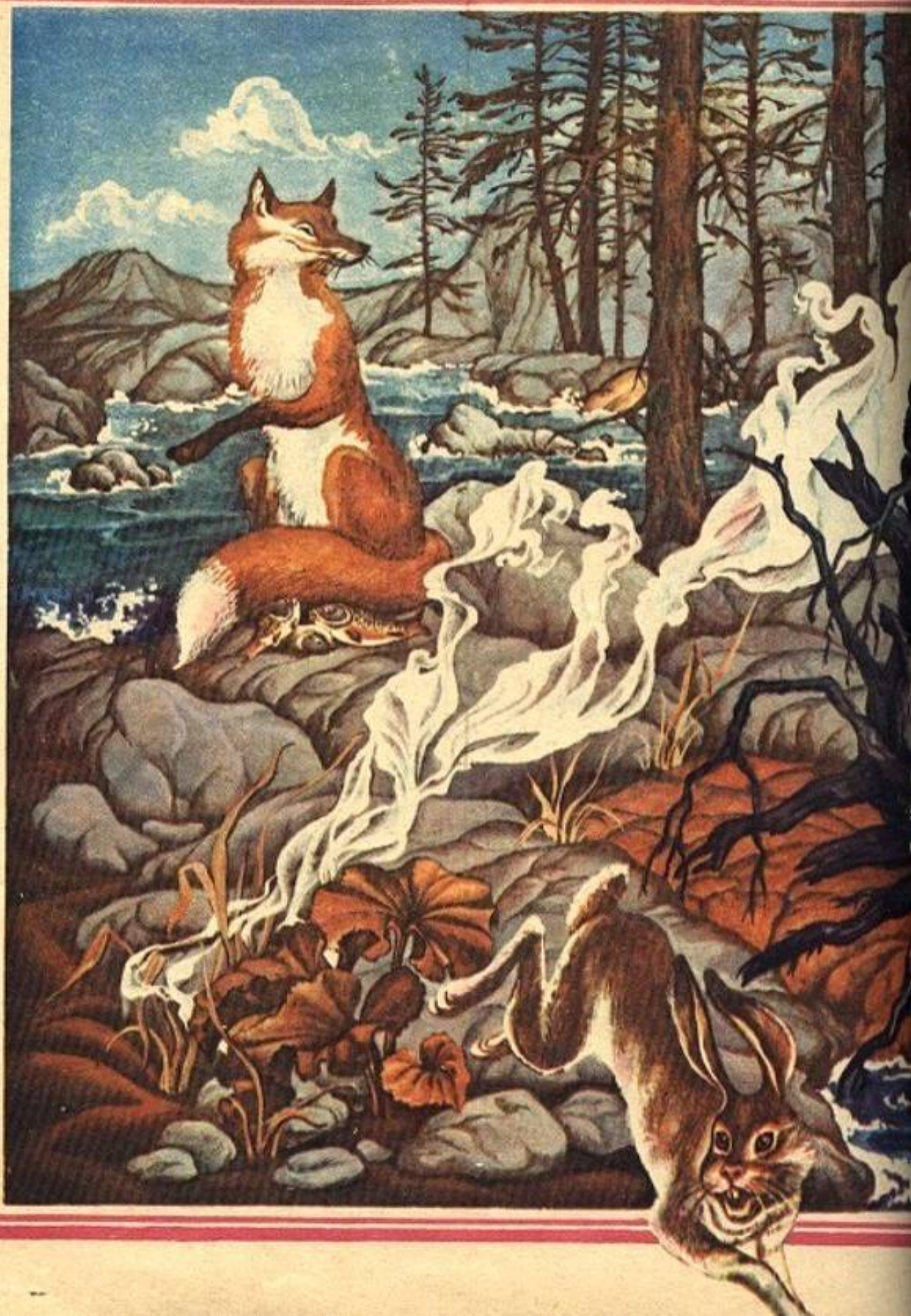
— Дедушка, твоя парка совсем усохла!

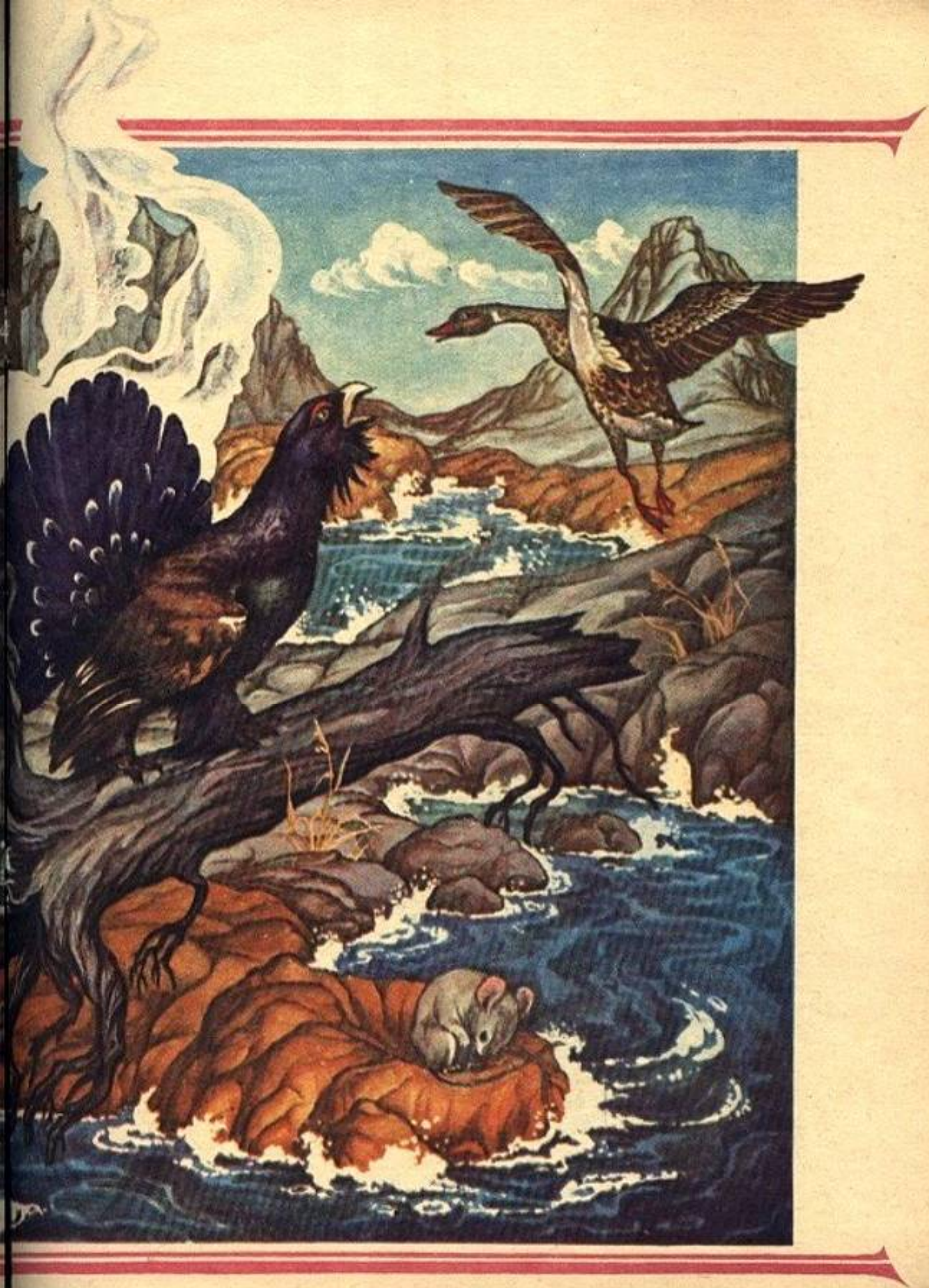
Понял медведь, что обманула его лиса.

— У-у, негодная!

Выскочил из реки и за лисой погнался.

Лиса бежит густою порослью, ее рыжая лисья парка от острых сучьев

защищает. А медведь бежит без парки. Сучья острые в него вонзились и погиб хозяин леса. А лиса вернулась на берег и всю рыбу съела.

А потом и медвежатиной полакомилась. Так вот, парень!

Говорят старики: двумя глазами смотри, с кем дружить.

Подружишься с лисой — парку потеряешь и сам цел не уйдешь.

Заяц и трава

Жил в лесу заяц. Однажды теплым летним днем прибежал заяц на поляну траву есть. Шибко торопился заяц, о траву губы и нос порезал. Рассердился заяц и кричит:

— Пусть эту траву огонь ест!

Прибежал на другой день и видит: вся поляна ярким пламенем полыхает, горят травы — заячья еда.

Заяц кричит:

— О-бой! Зайцы-братья, бегите скорей пожар тушить! Еда наша вся сгорит скоро!

Прибежали зайцы, давай воду из ближнего озера таскать.

Залили поляну. Угас огонь.

А травы-то и нет: сгорела.

Все лето зайцы голодные по лесу бегали. Только на другое лето выросла в лесу молодая трава. Никогда заяц больше на траву не сердился.

Над чужой бедой НЕ смейся

Подружились мышонок и рябчик, стали они вместе аргить*. Идут тайгою, а на пути лесное озерко. Перелетел рябчик через озерко на крыльях, а мышонок как перейти? Вот и кричит он рябчику:

— Эй, кето*, мост мне сделай!

Вырвал рябчик у берега стебли осоки и через озерко перекинул.

Побежал мышонок по мосту. Но когда был он на середине, прогнулась осока и упал мышонок в воду. Кое-как добрался он до берега, вылез мокрый, дрожит весь.

Смешно это рябчику показалось, и начал он хохотать над мышонком.

Хохотал, хохотал да и лопнул со смеха.

А мышонка солнце пригрело и серенькую парку его обсушило.

Нельзя, парень, над чужой бедой смеяться. Особенно — над товарищем.

Почему у глухаря брови красные

Жаркое было лето. Много птиц гнездилось в тайге и на болотах, на озерах и реках. И подружались глухарь, утка и гусь. Утка и гусь жили в кустах у тихой заводи, а глухарь — в ближнем бору. Но вот настала холодная северная осень. Пошли дожди, стало по утрам прихватывать ледком озера, собрались птицы в теплые края лететь. Зовут утка и гусь своего друга глухаря лететь вместе, а тому жалко родные края покидать.

Говорит:

— Я останусь.

Рассердились утка и гусь, схватили глухаря и хотели силой с собой утащить. А тот упирается, плачет горько:

— Никогда я родину не покину, лучше умру.

Бросили его утка и гусь и улетели. С тех пор и зимует глухарь в тайге. А от горьких слез, которые лил глухарь, не желая покидать свою тайгу, покраснели у него брови. И стал глухарь с тех пор краснобровым.

Нужда всему научит

Жила на свете одна девушка. Такая она была ленивая — ничему учиться не хотела. Ни бокари сшить не умела, ни тиску* приготовить, ни чира посошить.

Вот выдали ее родители замуж, а она ничего делать не хочет. Рассердилась на нее свекровь и решила наказать.

Ранним зимним утром, когда лентяйка спала, велела свекровь сыну чум снять и откочевать на другое место. Ничего не хотела ленивой невестке оставить, даже лыжи ее сломала, чтоб не догнала та мужа.

Но сестра мужа пожалела лентяйку и тайком от матери оставила желчный пузырь глухаря, наполненный жиром, иголки, кремь и топор.

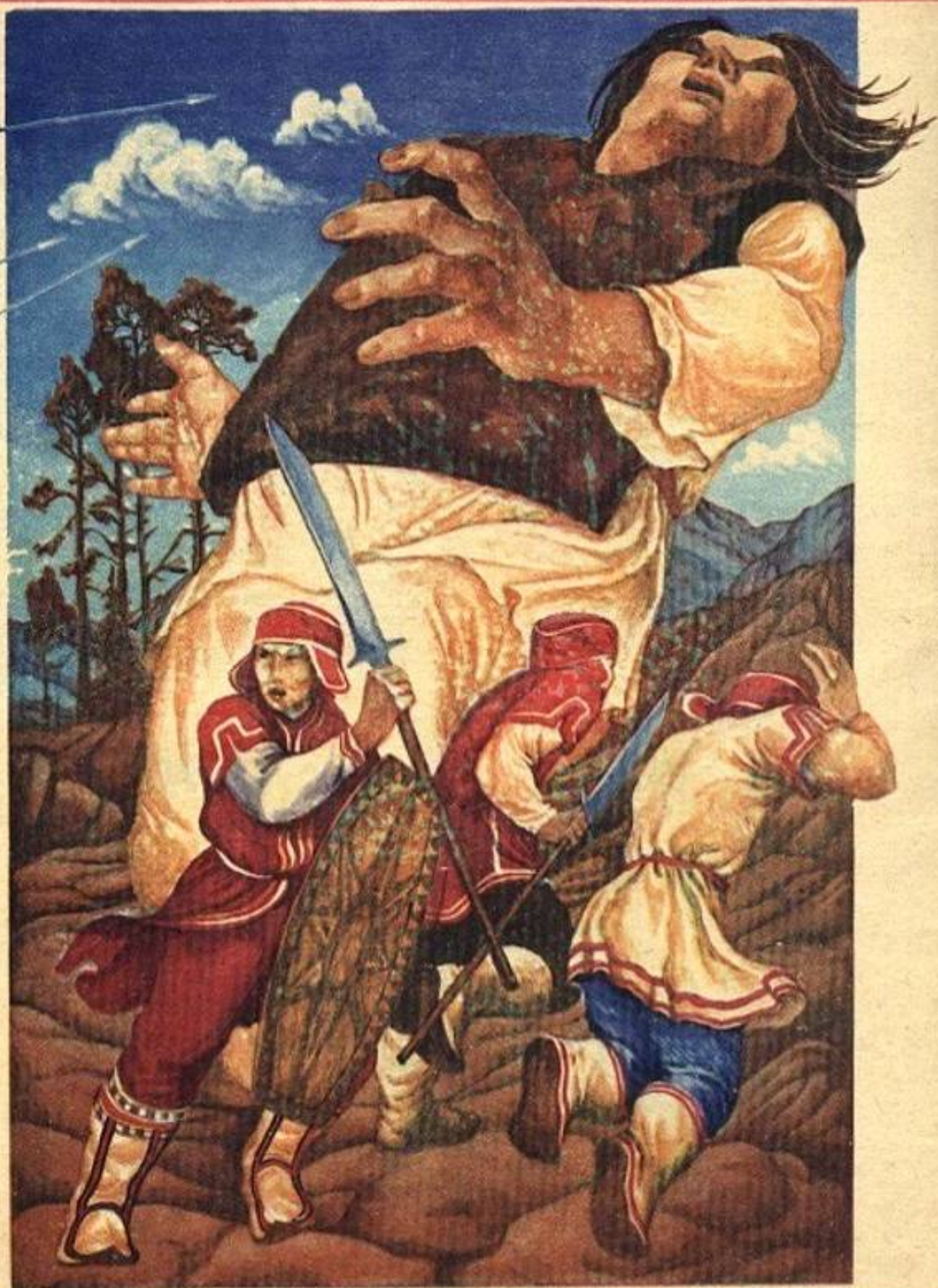
Проснувшись лентяйка от холода, вскочила, кругом никого нет, а на ней доха старая, рваная. Испугалась, кричать стала — кругом только тайга на разные голоса отзывается.

Увидела лентяйка кремь и топор. Сучьев нарубила, костер зажгла.

Чувствует, что там, откуда ветер дует, ее доху продувает. Взяла она иголку и заплату нашила. Повернулась другим боком, опять дует. И там заплату нашила. Так и поворачивалась она под ветром, пока всю доху не починила.

А потом кое-как лыжи смастерила и пошла своих догонять.

Пришла она в стойбище, где муж жил, и уж больше не ленилась, потому что пока одна в тайге жила, научилась трудиться.

Богатырь Бальня и его братья

Было это много-много лун назад. Тогда кеты на Каменной стороне жили, а каменные люди* на Наволочной селились. Кеты и лягын* рядом свои чумы ставили, вместе охотились, вместе рыбачили. Кеты и лягын широко большие друзья были. Когда снизу* на кетов лиственничные люди нападали, а с Наволочной стороны — каменные люди, тогда кеты и лягын вместе свою землю защищали. Тогда еще ружей не было. Батары воевали боевыми копьями — усь и пальмами — аттась. Из луков стрелами стреляли. Одевались в железные и медные парки, железные и медные шапки.

И жили в те времена среди кетов три могучих батара — охотника. Из них младший — Белеган — был самый быстрый и ловкий. Бывало, пойдут братья на охоту и увидят в полдень дикого оленя. Белеган и говорит:

— Я этого оленя гонять буду. Вы его только к вечеру догнать сможете.

Подымет олень рога и скроется из глаз. И Белеган на лыжах тут же вдали исчезнет. Бегут братья по оленьему следу. К вечеру добегают до места, куда олень ушел. Олень убитый лежит, рядом Белеган сидит, улыбается:

— Что-то задержались вы, братья, в пути. Давненько я вас поджидаю.

Тяжкое время было, беспокойное. Часто нападали на кетов враги, мужчин убивали, оленей угоняли, женщин в плен брали, работать заставляли на себя.

Трое братьев-батаров преграждали путь врагам на кетскую землю. Старший брат воевал черемуховой палицей. Потому и звали его Бальня*. Средний — Тогын — воевал луком со стрелами. Меткий он был, на лету в оленью шерстинку попасть мог. А Белеган воевал без оружия.

Враги в него стрелы пускают, он их руками ловит, бросает обратно, и возвращается стрела врагу в сердце.

Много раз нападали каменные люди на кетов, но каждый раз прогоняли их смелые братья. И решили каменные пойти на хитрость, начав с кетами переговоры, и внезапно перебить их.

Пришел в стойбище братьев посланник и сказал:

— Ждите завтра утром наших лучших людей. Чтоб не воевать нам больше, чтобы братьями быть, как вы с лягын живете.

Сидят Бальня с Тогыном в военном чуме, гостей ждут. Военный чум — это особенный чум. Такой чум строили, когда война была. Вместо жердей там отточенные пальмы ставили. А Белеган на высокую лиственницу залез, сидит в дозоре.

Вот он видит: вдалеке люди верхом на оленях показались. Кеты верхом на оленях не ездят, значит — это каменные.

Он и кричит:

— Высоко сижу! Далеко вижу! Вижу, пташечки летят!

Поняли братья, что каменные подходят. Встретили они их у чума и вместе в чум вошли. Там жирная оленина в котле варилась.

Сели гости и хозяева через одного. Братья каменных угощают, а сами за ними следят.

Стал один из гостей мясо с кости срезать, ненароком повернул нож к Бальне, да не успел ударить. Бальня говорит:

— Ты что, с костью справиться не можешь?

И ударил врага в сердце. И началась в чуме вместо пира жестокая битва. Белеган вскочил в чум и в тот же миг через дымовое отверстие чума наружу выскочил. Каменный с пальмой за ним погнался. А Белеган на другую сторону Енисея перепрыгнул.

Тут Бальня из чума выбежал и кричит:

— Белеган, ты почему без оружия?

А Белеган отвечает:

— Нам одной пальмы на двоих хватит.

Бросился каменный на Белегана, взмахнул пальмой, а Белеган качнулся назад и поймал ее между ногами. Три раза каменный пытался сразить Белегана, но каждый раз батар ловил ногами пальму. В третий раз сломалось древо, и осталось лезвие пальмы у Белегана в руках. Кинулся каменный наутек, да разве убежишь от Белегана? Он один раз прыгнул и уже впереди каменного. Взмахнул пальмой, жилу у того на ноге перерубил, сам к чуму пошел.

Бальня говорит:

— Ты, Белеган, когда на охоте недобитого зверя бросал?

А Белеган ему:

— Пусть живет. Домой вернется, расскажет, каково на светлых людей * нападать.

Кое-как дополз раненый до своих и рассказал, как все было. Поняли каменные, что не победить им в бою братьев-богатырей, и стали думать, как погубить их хитростью.

Вот как-то пришли каменные в стойбище братьев и говорят:

— Теперь уж больше воевать не будем, дружить с вами будем. Давайте породнимся. Пусть Белеган нашего племени жену возьмет.

Согласились братья. У Белегана была жена кетка. А в ту пору батар-воевода мог двух-трех жен иметь. Взял Белеган вторую жену — каменную. Вот ее сородичи и говорят:

— Давайте крепче подружмися. Пусть идет Белеган к нам жить.

Аргишил Белеган на землю каменных. Каменные притворились, что рады, праздник устроили с плясками и угощением. Потом борьбу затеяли. Вышли на Белегана самые сильные батареи из каменных. Боролись-боролись, а потом будто нечаянно спину, руки и ноги ему сломали.

Три года ждали Бальня и Тогын вестей от брата. Не дождались, и зимою пошли его проведать. Разыскали стойбище каменных, а там людей нет, только из одного чума дым идет.

Заходят в чум, а там Белеган лежит, еле жив. Жена его — кетка — рядом сидит, а каменной нет.

Увидала жена Белегана братьев и горько заплакала.

— Зачем вы пришли? Мужа моего каменные убили и вас убьют, они в тайге засаду на вас устроили. Каменная женщина к ним побежала сказать, что вы здесь...

Поняли Бальня с Тогыном, что ничем не помогут они Белегану, и печально двинулись в обратный путь.

Идут они на лыжах тайгою, а каменные в засаде сидят. Только приблизились к ним братья, как засыпали их враги тучей стрел. Бальню в живот ранили, Тогыну ухо оторвали. Но не растерялся Тогын, отрезал у себя прядь волос, зашил ими живот брата, положил его на лыжи, как на нарту, и помчался быстрее оленя. Только снежный вихрь взметнулся перед глазами врагов и исчез вдали.

Долго страдал Бальня от тяжелой раны, но когда лето наступило, расцвела тайга, поднялся с оленьих шкур батар.

И сказал он Тогыну:

— Кровь Белегана требует отмщения! Идем в гости к каменным на пир железный.

Собрали братья дружину, сильную и смелую, и отправились в поход. Плывет по широкому Енисею на лодках кетская дружина, а каменные к встрече готовятся.

Призвали они из дальнего стойбища самого могучего своего воина-великана. Носил на себе тот великан панцирь из камня, а лук его был сделан из огромного рога мамонта*.

Стали кетские лодки к берегу подходить, где войско каменных стояло. Тогда вложил великан в лук стрелу из целого ствола сосны и пустил в лодку, где Бальня с Тогыном сидели, а греб кет-старик. Со свистом пронеслось в воздухе бревно-стрела и убила старого кета. И закричал Бальня:

— Каменные люди! Вы трусливее молодой важенки! Дайте нам выйти на берег, чтоб померяться силами в честном бою!

Верили каменные в силу своего великана и дали кетскому войску выйти на берег. Вот вышли на берег кеты и стали два войска одно против другого. Сначала одна дружина стрелы пускает, а потом — другая. Такой обычай в те времена был. Много кетов тогда от стрел-бревен великана полегло у подножий кедров и лиственниц. И никто из батаров не мог прострелить его каменный панцирь. И стали кеты просить небо, чтоб стало ясно, чтоб солнце опалило великана. И услышало небо кетов, и такая жара настала, что задымились верхушки деревьев в тайге. Но две жены великана все время берегли своего повелителя и обливали его панцирь холодной водой. Но вот заметил Тогын, что расстегнулась на панцире великана верхняя застежка. Тут же пустил он меткую стрелу, и пронзила она насквозь шею великана. Увидели каменные гибель своего батара, дрогнули и побежали.

Далеко прогнали их кеты на каменную сторону, а сами поселились на Наволочной стороне.

Вот как в старину бывало. Не могли люди землю поделить. Вот когда кынчи пришли, они каждому племени в тайге свое место дали. С тех пор люди таежные между собой не воюют.

Охотник и Кайгусь

Один охотник пошел добывать пушнину. Вечер наступил. Вышел охотник на соболиный след. Гонял он, гонял того соболя, загнал на дерево и застрелил. Упал соболь вниз, и видит охотник, что зверь пестрый, а сбоку постромки, какими собаку в нарты запрягают. И понял охотник, что не простого соболя он убил, а собаку хозяйки леса Кайгусь.

Сел он под лиственницей, разжег костер, снял шкурку с соболя, а мясо на рожне стал жарить. И слышит он вдали нежный голос, как звон колокольчиков:

— Соболь, мой соболь, иди ко мне, мой соболь!

А убитый соболь на рожне в ту сторону повернулся. Звонко поют лыжи в лесу, и вышла на поляну молодая красавица, лицо сияет, как месяц, глаза, как звезды, косы, как мех соболий.

Подошла она к костру, напротив села и молчит. Подал ей охотник мясо соболя — не ест. А потом вдруг подсела к охотнику, и давай его щекотать. Щекотала, щекотала, а охотник не смеется. Отодвинулась Кайгусь от охотника, хмурая сидит. Тогда подсел к ней охотник и ну ее щекотать. Крепилась Кайгусь, крепилась да и рассмеялась, словно ручеек из под снега побежал, льдинки разбил. А потом залилась румянцем, сдвинула брови:

— Давай, — говорит, — ремень тянуть, кто кого перетянет.

— Давай! — отвечает охотник. Вынула Кайгусь из-под соболей шубы аркан, каким оленя ловят, и бросила конец парню. Понял парень, что колдовской силой наделен ремень и будут помогать Кайгусь покорные ей духи леса. Не одолеть ему лесную хозяйку.

Взял тогда охотник и незаметно зацепил аркан у себя за спиной за толстый сук старой лиственницы. Лиственница ведь всегда помогает таежным людям. Стали парень и Кайгусь аркан тянуть. Кайгусь тянет ремень, из сил выбивается, сзади ее ветер поднялся, снежные смерчи кружатся, кусты трещат, свист и вой стоит. Это духи лесные ей помогают.

А парень только для виду за аркан держится, старая лиственница помогает ему, и не сдвинуть ее с места Кайгусь и всем лесным духам.

Вот устала Кайгусь, тяжело дышит, слезы на глазах выступили. А парень изо всех сил взял и дернул аркан, подтянул к себе хозяйку леса и обнял ее.

Высохли слезы на глазах лесной красавицы, улыбнулась она охотнику и прошептала:

— Хотела я одолеть тебя, человек из берестяного чума, думала, что мы, лесные духи, сильнее людей. Оказывается — твоя сила больше: смеяться ты меня заставил и на ремне перетянул. Теперь делай со мной, что хочешь.

Взял молодой охотник Кайгусь в жены и всегда удачлив был на промысле — хозяйка леса приводила к нему зверей.

Жили они долго и счастливо, наверное, и сейчас живут.

Два брата

Жила на свете женщина и было у нее два сына — Каскет и Тутубуль. Однажды она заболела и умерла. Остались братья сиротами. Услышала об этом Доотам-бам *, пришла к ним в чум и унесла детей в свой каменный дом. Решила она откормить братьев и съесть. Стала кормить жирной оленьей. Но из каменного дома их не выпускала. Понял Каскет, что неладно дело, не стал брать пищи. А Тутубуль глупым был и жадным. Он ел все и толстел. Нашел Каскет обломок ножа и стал им стену сверлить. Просверлил дыру и вылез на волю. А Тутубуль вылезти не может, растолстел сильно. Залез Каскет обратно, разрезал брата на куски и вытащил по частям. В тайге Тутубуля сложил, и ожил Тутубуль.

А той порой вернулась Доотам-бам и видит — нет братьев. Пустилась она догонять их. Бежит Каскет легко, как олень. А Тутубуль толстый — бежать трудно. Догнала его Доотам и съела. А Каскет в тайгу убежал, разжег костер, отдыхает.

Вот слышит он — бежит по тайге Доотам, деревья ломает, горы раскидывает. Подождал Каскет, пока приблизилась, и бросил ей в глаза пепла. Света не увидела Доотам-бам, зверем завyla, затопала, а Каскет совсем убежал, пришел в стойбище, и сейчас там живет.

Медвежья сестра

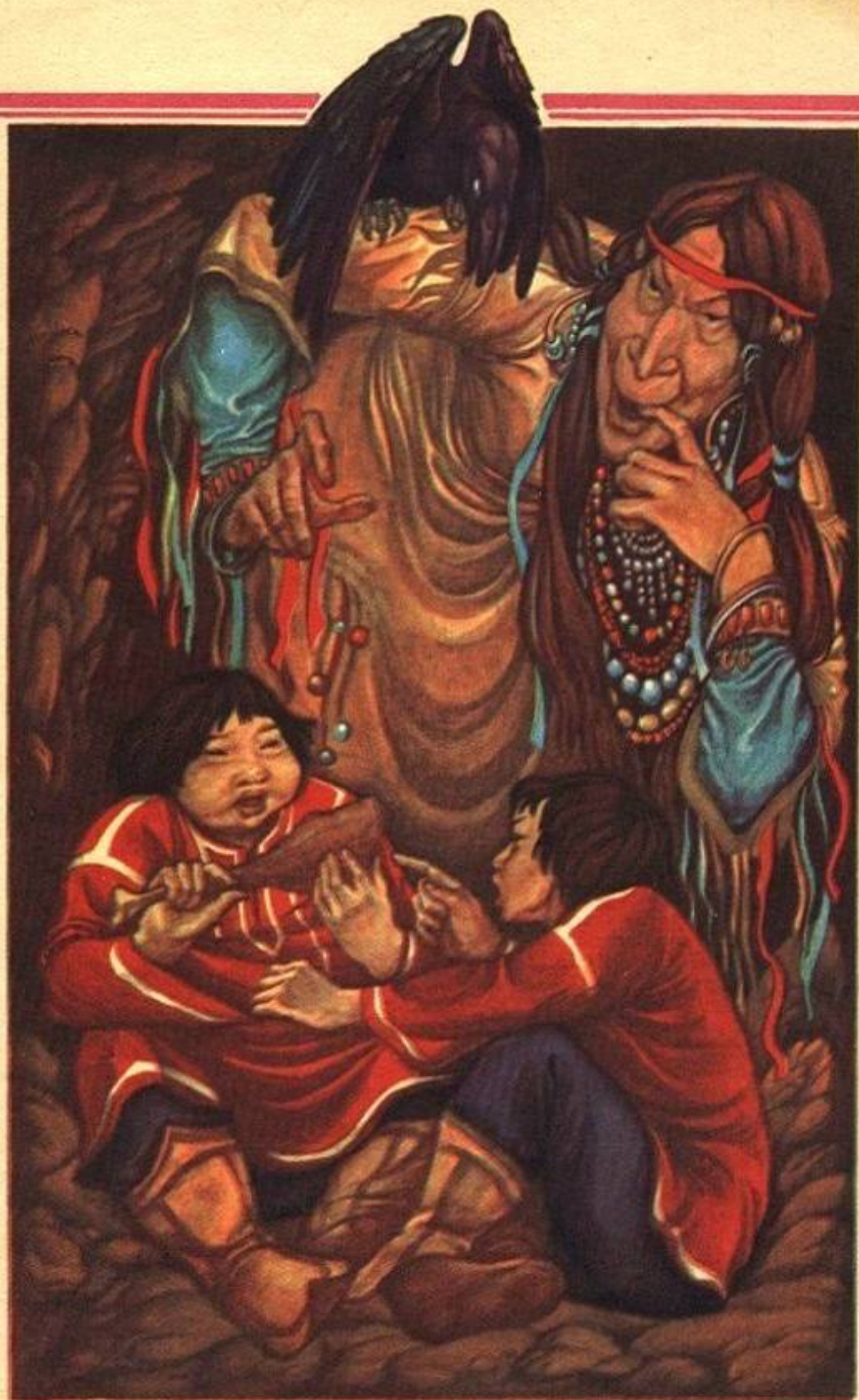
Жил один старик. И была у него дочка. А еще растил старик медвежонка. Играли вместе девочка и медвежонок, словно сестренка с братишкой. Но вот выросла девушка и стала красавицей. Долго ли, но пришла пора, отдал старик дочку замуж, и ушла она к мужу в чужое стойбище. Но недолго была она счастлива. Умер муж, а родственники сказали:

— На что нам чужая женщина?

Увели ее в лес, выкопали глубокую яму, бросили туда и землей засыпали.

А медведь почуял, что с сестрою его беда приключилась, и убежал в лес. Нашел он могилу сестры и разрыл ее. Женщина еще жива была.

Вытащил он ее из ямы, увел в тайгу и стали они вместе жить. Медведь на охоту ходил, дичь добывал. Сестру кормил. Плыл однажды по реке на ветке *, отец ее. Вывел медведь сестренку на берег и на яру поставил. Увидел ее отец и забрал с собой. А медведь вышел ночью к стойбищу злых людей и всех их убил. Потому и уважают медведя за его справедливость.

Словарь

- Аргишить — кочевать.
Аттась — охотничье копье.
Бальня — черемуха.
Бангусь — землянка.
Батар — богатырь.
Большая вода — Енисей.
Большая ходьба — многодневная охота на дальнем расстоянии от стойбища.
Ветка — долбленая лодка.
Доотам-бам — фантастическое существо в образе чудовищной старухи, живущее в горах и тайге. Кеты отождествляют Доотам-бам с Бабой Ягой русских сказок.
Каменная сторона — горное правобережье Енисея. Наволочная сторона — низменное левобережье, годное для волока грузов и лодок. «Ни на Каменной, ни на Наволочной стороне...» означает, примерно: «Ни на том, ни на этом берегу...».
Каменные люди — люди, живущие на камнях, в горах.
Кат — смычковый музыкальный инструмент.
Кето — друг, товарищ.
Копыло — один из коротких брусков, вставляемых или вдвигаемых в полозья и служащих опорой для верхней части саней (кузова).
Кынь — злой дух, второе имя Хосядам.
Кынчи — русские.
Лягын — так кеты называют селькупов и хантов.
О-бой — восклицание, выражающее страх, удивление.
Пальма — копье с наконечником в виде длинного ножа с одним лезвием.
Парка — меховая шуба.
Порса — еда, приготовленная из вяленой рыбы, растолченной в муку и смешанной с ягодным соком. Юкола — рыба, вяленая особым способом на солнце.
Пособку делать — помогать.
Рог мамонта — в древности народы Севера представляли себе мамонта, как фантастического оленя или лося, а клыки (бивни) считали рогами этого зверя.
Светлые люди — старинное самоназвание кетов.
Снизу — с низовьев Енисея.
Тиска — вываренная береста, из которой шьют оленьими жилками покрытие для чума.
Ульлитысь — водяной.
Ульлитыським — водяная женщина.
Черкан — деревянная ловушка, где роль пружины играет небольшой лук. Черкан ставят из пушного зверя.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЬБА И ХОСЯДАМ	3
СДЕЛАННОГО НЕ ВЕРНЕШЬ	4
О ТОМ, КАК КЕТЫ ХЛЕБ УЗНАЛИ	6
СОВЕТЫ ВОДЯНОЙ ЖЕНЩИНЫ	6
ТЫНЕИ	7
ДЕВУШКА И МЕСЯЦ	11
СМОТРИ, С КЕМ ДРУЖИТЬ	11
ЗАЯЦ И ТРАВА	14
НАД ЧУЖОЙ БЕДОЙ НЕ СМЕЙСЯ	14
ПОЧЕМУ У ГЛУХАРЯ БРОВИ КРАСНЫЕ	15
НУЖДА ВСЕМУ НАУЧИТ	15
БОГАТЫРЬ БАЛЬНЯ И ЕГО БРАТЯ	17
ОХОТНИК И КАЙГУСЬ	21
ДВА БРАТА	22
МЕДВЕЖЬЯ СЕСТРА	22

ДЕВУШКА И МЕСЯЦ

Составил и обработал Роман Викторович Николаев

Для младшего школьного возраста

ИБ № 770

Редактор Л. М. Назимкова. Художественный редактор Е. П. Нехорошкин. Технический редактор Т. Е. Изъющенко. Корректор В. П. Емельянова. Сдано в набор 15.05.81. Подписано к печати 25.10.82. Формат 60×84¹/₂. Бум. офсетная № 1. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,79. Усл. кр.-отт. 18,74. Уч.-изд. л. 3,46. Тираж 350 000 экз. (1-й завод 1—200 000 экз.). Заказ 210. Цена 25 к. Красноярское книжное издательство, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 98. Типография «Красноярский рабочий», 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 91.

Рецензент старший научный сотрудник института этнографии АН СССР (г. Ленинград) Е. А. Алексеев.

Девушка и месяц. Сказки кетского народа.

Д28 Составил и обработал Р. В. Николаев.— Красноярск: Кн. изд-во, 1982. — 24 с., ил.

В книгу вошли исторические предания кетов, сказки о животных, бытовые сказки.

Д 0763—003 52—82
М147(03)—52

© Красноярское книжное издательство, 1982 г.

